

СВЕТЛАНА ГОЛУБЕВА

МИЛЬКА

Наде

1

Она напоминает о себе, шевеля моё плечо тёплыми плисовыми губами.

Улыбаясь, выхожу из лабиринта воспоминаний. Реальность тут же заявляет о себе писклявым скулежом комаров. Пора домой. Мягко хлопываю любимицу по морде и всё ещё медлю.

Сколько мы сегодня проскакали? Да и прожили немало. Нынче Кармелита – степенная матрона, знающая себе цену, а когда-то была то Карма, то Карамелька. Имя молодой кобылке досталось длинное. Для дурашливого, брыкливого характера подошло бы что-то короткое.

Карму отрунули, не роковая ведь цыганка. Карамелька – весело, но продолговато. Так что Милька. Милашка, милая. Кармелита пусть остаётся в паспорте.

Знала б ты, моя пегая животинка, что наша дружба обозначилась задолго до встречи, начавшись в смутном наследном прошлом, с прапрадедовой страсти к воронным, гнедым, каурым. Не обнаруживаясь ни в ком, по спиральям хромосом прадеда, бабки, матери она мельчайшей

сцепкой-геномом пробралась в характер моей дочери.

Но не моя – другая девочка, с которой все в детском саду желали дружбы, увлекла малышкой лошадиничеством. Ради её внимания ребяташки дёргали мам в магазинах игрушек возле плюшевых скакунов со сказочными гривами. Арина, дочь, тоже. Но лишь у неё одной увлечение переродилось в кровный интерес к этим неземным животным, в мечту, отдушину, судьбу.

Нашу квартиру заполонили лошади: игрушки, поделки, рисунки, книги, фотографии и фильмы.

Мы горевали о Томпсоновском мустанг-иноходце, радовались за мультяшного Чёрного Красавца, строили из кубиков денники пластмассовым Ветерку и Ласточке. С попустительства папы Лёши тратили деньги на катанья в городском конном дворе. Конюшни с выездковым плацем (проще говоря, загоном) прилегали к центральному парку невдали от нашей девятиэтажки. Аринину одержимость заметили, позвали девочку учиться верховой езде. Ей тогда не исполнилось шести – маловато для сомнений и впору для безоглядной радости. Поговорив с мужем, на следующий же день я повела малышку на первое занятие.

Ещё не было всеобщего круженья листвы, тяжеловесности неба с пронзительным солнцем, но утренний уют уже слегка отдавал грустью Вивальди.

Взявшись за руки, мы вприпрыжку неслись по метёным, чуть прихваченным золотой аллеям, манившим к киоскам со сладостями, аттракционам, но ни карусели, ни мороженое не могли сбить Арину с пути.

Конный двор щедро окружил нас густыми запахами, нечеловеческим теллом, незнакомой суеютой. Седлали как раз Мильку. Так и встретились.

Никаких предчувствий судьбинной важности не явилось, – то осознаёшь позже, за ворохом событий, прокручивая память назад. А тогда мечта была самая немудрёная: поладить с животным, научиться понимать, да просто почувствовать иное божье создание.

Из денников смотрели лошади. Мы неуклюже навязывали им ласки: гладили по носам, глупо сюсюкали и умилялиса каждому их порыву.

Возле нас выросла невзрачная личность с бесформенной фамилией.

- Приходько. Ваш тренер-инструктор.

Всё. Будто говорить сверх того неучтиво.

Здесь работали и другие. Например, Наталья Павловна, тоже тренер. Если бесцветность Приходько не рождала интереса, то и о Наталье Павловне спрашивать почти нечего, но как раз потому, что с нею всё ясно. Она ходила в крагах, шлеме, а не в круглой шапочке по глаза. Частенько, по крайней мере, в дни наших занятий, к ней прибегали два мальчика, её копии. Она чмокала сыновей, подсчитывая, чтоб поцелуев доставалось поровну.

Дополняло их с Приходько разницу отношение окружающих. Для Натальи у мужчин всегда находилась безобидная шутка, а у женщин совет и забота. С Приходько все были равно почитательны. Никто вольностей себе не позволял.

2

Милька - помесь тяжеловоза с кем-то, обладала слабым ходом и слыла строптивой кобыленцией, чей дурной характер объяснялся как угодно: межсезоньем с беспокойной линькой, жарким летом, холодной зимой, слишком суровыми прежними владельцами и мягковатыми нынешними. На опасные козни лошадь не отваживалась – сбивала с толку, пугала неопытных наездников лёгким вредительством.

При крепости статей её узковатая морда смотрелась изящной и всегда что-нибудь выказывала. По взглядам, движенью ноздрей, ушей окружающие понимали или всего лишь худо-бедно истолковывали коняшкин настрой. По ним же и по неизбывному своему превосходству люди верно или ошибочно наделили животинку не лучшими душевными качествами.

К серьёзным победам на ней не готовили, давали начальные уроки и катали желающих. Инструкторы хвалили её мягкую рысь, которой и на которой легко обучать детей (правда, те охотней выбирали более покладистых лошадок).

Глянув на восторженно онемевшую и уже влюблённую Арину, Милька раздула ноздри воронками, глянула надменным глазом поверх, однако позволила малышке сесть верхом.

Ученье пошло в гору. Лошадь, казалось, слушается полукосновенья. Новоявленная спортсменка прилежно выполняла посадку, посыл, повороты. Я изумлялась ее скорым успехам. Отношение к тренировкам наставника оставалось загадкой: в лице, интонациях ничего не прочитывалось.

Держа спину, раздумываясь, наездница поглядывала на меня серьёзными глазами, из которых едва не солнечными зайчиками брызгало неумело скрытое счастье. Приятная лёгкость уроков умиротворяла, баюкала. Полагаясь на покор-

ную партнёршу, девочка могла раз-другой зевнуть в сторону.

Такую-то прохладцу и караулила каверзная напарница: плясанула боком, попятилась и рванула галопом.

- Натягивай повод! – несся вдогонку напрасный крик Приходько.

Всадница выпала под переднее копыто. Милька сдала назад, замялась, словно опомнилась, перескочив ребёнка, порысила к конюшне.

Дочь брела ко мне, вытирая рукавом измазанное личико. Она плакала не от боли – от обманутых чувств. Бедняжка успела поверить, что животное из всех детей предпочло дружить именно с ней.

Лошадь же, для виду подчиняясь ременным узам, не давала крепнуть чуть наметившимся тенетам ребячьей воли. Как опытный разведчик, она по-своему изучала новичка, поняла слабинку, подыграла и показала норы.

3

С того случая Арина заробела. Не говорила о страхе прямо, но перед занятиями то оживлялась, то стихала, словно запираясь изнутри.

- Интересно, какое настроение у Мильки? – загада беспокоилась она.

- Останемся дома?

- Нет, пойдём, пойдём, - упрашивала дочь.

Мы шли в конюшню.

По дороге малышка смотрела перед собой, сводила, разнимала бровки. Видно, пыталась, собрать душевные силёнки на очередную встречу с коварной любимицей. Не выходило. Рывок головой, внезапная остановка, ускоренный ход лошади заставляли девочку бросать поводья. Занятия беднели достижениями и, наконец, опустели, словно ноябрьское дерево.

Облокотившись на изгородь, я следила за понойрой троицей. Вдоль плаца шагала Милька, ведомая тренером. В седле качающимся вопроситом грустила дочь.

Обрывочно долетавший разговор был, вобщем, понятен: при всех трудностях безопасней поводья натягивать, а не бросать. Девочка понимала, но не находила сил выполнить.

Пегашка продолжала чудить. Случалось, хлыст готовился покарать её за выкрутасы. Тут несчастная ученица словно пробуждалась от безнадёги, предостерегающе вскидывалась.

- Не надо, пожалуйста, - скорым речетативом просила она, одолевая страх, пыталась править, выполнять урочное.

Но лёгонькая испуганная малышка наездницей, по-милькиному, не считалась. Своенравная лошадка вольно прохаживалась, таская на спи-

не невеликое бремя. Арина сидела, опустив руки.

Закончилась осень. Оправдывая календарь, снег выпал первого декабря и вопреки примете остался лежать.

Мы всё ещё ходили на верховую езду, не чая подвижек. Можно б заниматься на Гриньке, Малыше, но девочка боялась и тех. Впрочем, они почти всегда бывали заняты. Ей как всегда доставался злой гений Милька.

День, когда дочь взяла поводья, всё ж наступил. Правда, держала она ременное правило еле-еле, так что лошадь всё равно не чувствовала человеческой воли. Нехотя повинувшись толчкам ребячьих ступней, кобылка двинулась по большому овалу - тропе, бетонно вкопченной в плац (снег не успевал скрывать её, за день наезжали снова). Устала шалунья или не скумекала ещё новой каверзы, но шла смиренно. Упражнений незадачливой паре не дали: пусть наездница пока на шагу робость одолевает.

Не имея сиюминутного дела, наставники (Приходько и Наталья Павловна) стали около меня. Затеялась беседа о страхах. Из-за дочкиных неудач тема саднила, я увлеклась, отстранившись от того, что вижу. Но даже сознавая картину, по неведению не смогла б оценить верно. А происходило такое.

Милька с Ариной на холке вдруг пошла малыми кругами-вольтами и, тихо ступая, нюхала снег. Двое моих собеседников секундой оказались возле них и выдернули всадницу из стремян. Пегашка опустилась на колени и стала заваливаться. Рухнув, блаженно потёрлась боком о снег (седло мешало перекинуться через хребет).

Девочка не успела испугаться, но с верховой ездой надо было решать.

4

Чтоб притупилась острота переживаний и, быть может, чтоб осознать безнадёжность тренировок, решили прерваться недели на две. Но конный двор нас не потерял. Мы ходили в любое выкроенное время. Арина не ездила верхом и не выказывала охоты к тому, зато помогала чистить, седлать, прогуливать лошадей.

Взявшись за прутья ограды, она смотрела, как её любимица каталась в снегу, вскидывая задние ноги, фыркала – смешно, ребячливо выражала удовольствие. Взмётывая чёрное пламя гривы, она носилась по узкой леваде и вышвыривала пропечатанные подковами комья снега.

Порой мы забегали всего на минуту, с угощением.

Милька, строптивница, чем только не покупали мы твоё благоволение! С рук кормили морковкой, яблоками, печеньем. Ласково ворковали, вздымая ладони в желании погладить, обнять. Ты принимала подарки с высокомерным равнодушием, отдёргивалась, не желая прикосновений...

- Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды, – дочитав сказку до середины, я отложила книгу и посмотрела на дочь.

Ввернувшись в одеяло, как ручейник в узкий подводный домик, Арина слушала бесшумно. Взгляд её колебался, как налитый паром воздух, становился отстранённым. Не со мной, не в книжной истории, но где он блуждал? Может, уже в сновиденьях?

Девочка почувствовала мой взгляд.

- Хоть бы её не били за плохую работу. Не может же лошадь быть виноватее человека, – произнесла она, поворачиваясь набок.

Она не хотела дальше говорить или не могла. Поцеловав её в висок, я выключила свет.

После новогодних каникул город накрыли морозы, вслед за ними – гриппозная зараза. Школы, кружки и секции позакрывали. Наш «отпуск» затянулся.

5

Ещё знобкие дули ветры и мело, но весна близились: воздух уже звенел. Арина запросилась к коням не просто, а ездить.

Наша злодейка оказалась занята. Дочери вывели Малыша, но не то что выполнить «восьмёрку», просто проехать метров пять не получилось. Невесомая девчужка вздрагивала всем телом, стараясь вложить в тиски ногами (шенкелями) больше силы. Издёргалась, взмокла, а конёк ни с места. Переминался, как двоечник у доски, весело косясь на людей поблизости.

- Хорош, – брошенное инструктором камешечко со смыслом «хватит» прервало, наконец, тщетные усилия.

У ограды слепился хмурый круг: наставник, я, усталая Арина подвела Малыша. Все пока молчали, следя за пируэтными сухой былинки в пальцах Приходько. Погодя прибавилось Милькино трио, отработавшее не лучше.

Злокозненная кобылка лягалась, пятилась в угол, не хотела выходить. Избоявшийся мальчуган – её сегодняшний наездник – канючил:

- Наталья Павловна, я в четверг на Малыше буду, ладно?

- Посмотрим, – уклончиво отвечала та. – Ты должен уметь управлять разными характерами.

Всё. Будто говорить сверх того неучтиво.

Здесь работали и другие. Например, Наталья Павловна, тоже тренер. Если бесцветность Приходько не рождала интереса, то и о Наталье Павловне спрашивать почти нечего, но как раз потому, что с нею всё ясно. Она ходила в крагах, шлеме, а не в круглой шапочке по глаза. Частенько, по крайней мере, в дни наших занятий, к ней прибегали два мальчика, её копии. Она чмокала сыновей, подсчитывая, чтоб поцелуев доставалось поровну.

Дополняло их с Приходько разницу отношение окружающих. Для Натальи у мужчин всегда находилась безобидная шутка, а у женщин совет и забота. С Приходько все были равно почтительны. Никто вольностей себе не позволял.

2

Милька - помесь тяжеловоза с кем-то, обладала слабым ходом и слыла строптивой кобыленцией, чей дурной характер объяснялся как угодно: межсезоньем с беспокойной линькой, жарким летом, холодной зимой, слишком суровыми прежними владельцами и мягковатыми нынешними. На опасные козни лошадь не отваживалась – сбивала с толку, пугала неопытных наездников лёгким вредительством.

При крепости статей её узковатая морда смотрелась изящной и всегда что-нибудь выказывала. По взглядам, движенью ноздрей, ушей окружающие понимали или всего лишь худо-бедно истолковывали коняшкин настрой. По ним же и по неизбывному своему превосходству люди верно иль ошибочно наделили животинку не лучшими душевными качествами.

К серьёзным победам на ней не готовили, давали начальные уроки и катали желающих. Инструкторы хвалили её мягкую рысь, которой и на которой легко обучать детей (правда, те охотней выбирали более покладистых лошадок).

Глянув на восторженно онемевшую и уже влюблённую Арину, Милька раздула ноздри воронками, глянула надменным глазом поверх, однако позволила малышке сесть верхом.

Ученье пошло в гору. Лошадь, казалось, слушается полукосновеня. Новоявленная спортсменка прилежно выполняла посадку, посыл, повороты. Я изумлялась ее скорым успехам. Отношение к тренировкам наставника оставалось загадкой: в лице, интонациях ничего не прочитывалось.

Держа спину, раздумываясь, наездница поглядывала на меня серьёзными глазами, из которых едва не солнечными зайчиками брызгало неумело скрытое счастье. Приятная лёгкость уроков умиротворяла, баюкала. Полагаясь на покор-

ную партнёршу, девочка могла раз-другой зевнуть в сторону.

Такую-то прохладцу и караулила каверзная напарница: пляснула боком, попятилась и рванула галопом.

- Натягивай повод! – неся вдогонку напрасный крик Приходько.

Всадница выпала под переднее копыто. Милька сдала назад, замялась, словно опомнилась, перескочив ребёнка, порысила к конюшне.

Дочь брела ко мне, вытирая рукавом измазанное личико. Она плакала не от боли – от обманутых чувств. Бедняжка успела поверить, что животное из всех детей предпочло дружить именно с ней.

Лошадь же, для виду подчиняясь ременным узам, не давала крепнуть чуть наметившимся тенетам ребячьей воли. Как опытный разведчик, она по-своему изучала новичка, поняла слабинку, подыграла и показала норы.

3

С того случая Арина заробела. Не говорила о страхе прямо, но перед занятиями то оживлялась, то стихала, словно запираясь изнутри.

- Интересно, какое настроение у Мильки? – загодя беспокоилась она.

- Останемся дома?

- Нет, пойдём, пойдём, - упрашивала дочь.

Мы шли в конюшню.

По дороге малышка смотрела перед собой, сводила, разминяла бровки. Видно, пыталась, собрать душевные силёнки на очередную встречу с коварной любимицей. Не выходило. Рывок головой, внезапная остановка, ускоренный ход лошади заставляли девочку бросать поводья. Занятия беднели достижениями и, наконец, опустели, словно ноябрьское дерево.

Облокотившись на изгородь, я следила за понойрой троицей. Вдоль плаца шагала Милька, ведомая тренером. В седле качающимся вопроситком грустила дочь.

Обрывочно долетавший разговор был, вообще, понятен: при всех трудностях безопасней поводья натягивать, а не бросать. Девочка понимала, но не находила сил выполнить.

Пегашка продолжала чудить. Случалось, хлыст готовился покарать её за выкрутасы. Тут несчастная ученица словно пробуждалась от безнадёги, предостерегающе вскидывалась.

- Не надо, пожалуйста, - скорым речетативом просила она, одолевая страх, пыталась править, выполнять урочное.

Но лёгонькая испуганная малышка наездницей, по-милькиному, не считалась. Своенравная лошадка вольно прохаживалась, таская на спи-

не невеликое бремя. Арина сидела, опустив руки.

Закончилась осень. Оправдывая календарь, снег выпал первого декабря и вопреки примете остался лежать.

Мы всё ещё ходили на верховую езду, не чая подвижек. Можно б заниматься на Гриньке, Малыше, но девочка боялась и тех. Впрочем, они почти всегда бывали заняты. Ей как всегда доставался злой гений Милька.

День, когда дочь взяла поводья, всё ж наступил. Правда, держала она ременное правило еле-еле, так что лошадь всё равно не чувствовала человеческой воли. Нехотя повинуюсь толчкам ребячьих ступней, кобылка двинулась по большому овалу - тропе, бетонно вкопченной в плац (снег не успевал скрывать её, за день наезжали снова). Устала шалунья или не скумекала ещё новой каверзы, но шла смирно. Упражнений незадачливой паре не дали: пусть наездница пока на шагу робость одолевает.

Не имея сиюминутного дела, наставники (Приходько и Наталья Павловна) стали около меня. Затеялась беседа о страхах. Из-за дочкиных неудач тема саднилась, я увлеклась, отстранившись от того, что вижу. Но даже сознавая картину, по неведению не смогла б оценить верно. А происходило такое.

Милька с Ариной на холке вдруг пошла малыши кругами-вольтами и, тихо ступая, нюхала снег. Двое моих собеседников секундой оказались возле них и выдернули всадницу из стремян. Пегашка опустилась на колени и стала заваливаться. Рухнув, блаженно потёрлась боком о снег (седло мешало перекинуться через хребет).

Девочка не успела испугаться, но с верховой ездой надо было решать.

4

Чтоб притупилась острота переживаний и, быть может, чтоб осознать безнадёжность тренировок, решили прерваться недели на две. Но конный двор нас не потерял. Мы ходили в любое выкроенное время. Арина не ездила верхом и не выказывала охоты к тому, зато помогала чистить, седлать, прогуливать лошадей.

Взявшись за прутья ограды, она смотрела, как её любимица каталась в снегу, вскидывая задние ноги, фыркала – смешно, ребячливо выражала удовольствие. Взмётывая чёрное пламя гривы, она носилась по узкой леваде и вышвыривала пропечатанные подковами комья снега.

Порой мы забегали всего на минуту, с угощением.

Милька, строптивница, чем только не покупали мы твоё благоволение! С рук кормили морковкой, яблоками, печеньем. Ласково ворковали, вздымая ладони в желании погладить, обнять. Ты принимала подарки с высокомерным равнодушием, отдёргивалась, не желая прикосновений...

- Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды, – дочитав сказку до середины, я отложила книгу и посмотрела на дочь.

Ввернувшись в одеяло, как ручейник в узкий подводный домик, Арина слушала бесшумно. Взгляд её колебался, как налитанный паром воздух, становился отстранённым. Не со мной, не в книжной истории, но где он блуждал? Может, уже в сновиденьях?

Девочка почувствовала мой взгляд.

- Хоть бы её не били за плохую работу. Не может же лошадь быть виноватее человека, – произнесла она, поворачиваясь на бок.

Она не хотела дальше говорить или не могла. Поцеловав её в висок, я выключила свет.

После новогодних каникул город накрыли морозы, вслед за ними - гриппозная зараза. Школы, кружки и секции позакрывали. Наш «отпуск» затянулся.

5

Ещё знобкие дули ветры и мело, но весна близились: воздух уже звенел. Арина запросилась к коням не просто, а ездить.

Наша злодейка оказалась занята. Дочери вывели Малыша, но не то что выполнить «восьмёрку», просто проехать метров пять не получилось. Невесомая девчушка вздрагивала всем телом, стараясь вложить в тиски ногами (шенкелями) больше силы. Издёргалась, взмокла, а конёк ни с места. Переминался, как двоечник у доски, весело косясь на людей поблизости.

- Хорош, - брошенное инструктором камешечко со смыслом «хватит» прервало, наконец, тщетные усилия.

У ограды слепился хмурый круг: наставник, я, усталая Арина подвела Малыша. Все пока молчали, следя за пируэтами сухой былинки в пальцах Приходько. Погодя прибавилось Милькино трио, отработавшее не лучше.

Злокозненная кобылка лягалась, пятилась в угол, не хотела выходить. Избоявшийся мальчуган - её сегодняшней наездник - канючил:

- Наталья Павловна, я в четверг на Малыше буду, ладно?

- Посмотрим, - уклончиво отвечала та. – Ты должен уметь управлять разными характерами.

Милька потянулась к Ариной шапочке, жевнула помпон, будто напомнила о знакомстве.

- Попробуешь? – оба инструктора хором окликнули девочку, заметив порыв животного.

Та вместо ответа флажком взметнулась в стремени и ...

До сих пор не понимаю, как она отважилась. Как момент решимости ускользнул от моего внимания? Казалось, вижу страх, сжатость с неуспехом, глупую ребяческую поспешность, а значит, и грядущее разочарование. Вышло иначе.

Девочка быстро выбрала поводья, тиснула бока лошади. Та тронулась в шаг, потом в рысь, пошла, пошла. Да как.

Я впервые увидела воспетую в степных песнях красоту, не освятившую (увы) моё детство, ту, что являют, но обездушивают спортивные телеканалы и в которую отчасти позволяет вчувствоваться лишь великая литература: красоту взаимослитости лошади и всадника.

Когда они поняли друг друга так, словно Бог создал их единым выдохом?

Ровной, музыкально размеренной рыси, вторила, привставая в стремени, верно уловившая ритм фигурка. Арина сидела прямо, словно выключившийся росток, на всю спину, и в то же время вольно, опустив плечи, едва заметно повелевая партнёршей.

Я оглянулась на тренера и увидела выпяченную губу, приподнятые брови, - так нескорые на оценку, ко всему привыкшие люди порой выражают удивление.

Всадница подгарцевала ближе, не улыбаясь, но лучась спокойным торжеством. Только костяшки пальцев белели. Потом я часто видела зеленоватую белизну её суставов. И накусанные губы.

С того дня не то чтобы ученье наладилось - оно отлаживалось, только уже через приложение воли. Кобылка по обыкновению упрямылась, капризничала, но Арина не сдавалась. По правде говоря, их с Милькой соперничество (кто кого укротит) устраивало всех, особенно детей: им не доставалась баламутная лошадка. Паденья, протёртые в лохмотья перчатки, сжатые челюсти отныне входили в понятие каждодневной радости.

6

Одно дело, когда любимые рядом, и ты уверен: так будет всегда. Это тонкое, экономное счастье, потому что ему предстоит целая жизнь.

Совсем иными глазами смотришь на дорогое существо, когда знаешь, что ему вот-вот гибель. Сгущённая в малом времени привязанность кинжально обостряется, растёт и ранит сильнее с каждым днём.

Ах, Милька, смогла б я прикипеть к тебе так же сильно, как дочь, если б не это?

Телефонный сигнал влез в семейную тишину позднего вечера, когда Арина уже спала. И к лучшему.

В трубке заворочался сипловатый голос тренера:

- Здорово. Ходит слушок, - тут вклинилась пауза, словно новость немного пожевали. - Нашу врединку планируют в расход. Ветеринар сказал, ноги. Месяца два - и каюк, свезут на бойню.

В кухню вошёл Лёша с полотенцем на голове.

- Что случилось? - спросил, подсаживаясь на диван.

Я рассказала.

Муж примолк, потом хлопнул ладонями по коленям.

- Так... Арине ни слова. Надо встретиться с владельцем коней и выкупить осуждённую на казнь. Не думаю, что сдать на мясо выгодней, чем продать. Куда нам её потом деть - вот загвоздка. А у меня всего четыре дня, - сказал он, взглянул на часы. - Уже три.

Лёша - сельхозавиатор, то есть, лётчик для полей. Он редко бывает дома, разве лишь зимой. А шёл август, и редчайшие выходные удачно выдались как раз нынче. Потом пропадёт ещё на месяц и так до холодов. Куда только не посылали его зелёный Ан-2 опылять, опрыскивать полевыми ядами будущую еду.

Наутро в конный двор двинулись втроём.

Оставив Арину в конюшне, первым делом разыскали Приходько, рассказали, с чем явились.

- Пойдём вместе, - следовало постановление. - Семен Семёныч захочет слущить больше плаченого, а я не дам.

- Анекдотическое имя. Что он за человек? - спросила я.

О владельце двора узнали немного.

Когда-то, в свою тренерскую бытность, он отомстил опрокинувшему его скакуну: загнал насмерть. Виновника уволили, но и только. Ныне в одноэтажных кварталах города он держит пивные киоски и эту лошадную забаву.

В низкой, с огромными окнами конторе - дирекции парка - нас встретил мужичок на «ват»: лысоват, молодцеват, хитроват. С беглым взглядом. Дело понял с полуслова, пригласил в кабинет.

В безнадежно пустой комнате (видно, времянка, штаб-квартира в другом месте) он уселся в кресло (поёрзал, отыскивая удобство) за старомодный канцелярский стол. Плавником больнично чистой ладони указал на стулья вдоль стен. Мы притянули сиденья к торцам, тренер - напротив начальства.

Хозяй потёр руки. Глаз его неуловимо изменился, стал ввёртливым, как шуруп, и началось. Потянулись дипломатические беседы, обернувшиеся вскоре торгашескими препирательствами. Обсуждали не только покупку, но и возможность подержать лошадку на двореике пока не найдём ей место. За постой ломилось что-то несусветное. Душа томилась несказанно. Удерживало только желание спасти животинку. Удобных для гордыни сумм не водилось, и мы нажимали на своё. Впрочем, не я с Лёшей.

Широко опершись на стол, Семён и от имени всей компании Приходько, нависнув над полированным полем брани, выдавали друг другу обоюдострые угрозы.

В конце концов, по ценам сошлись. Покупку отложили.

- Ну, до встречи через две недели? – Уточнил муж. – Я к тому времени привезу недостающую сумму.

- Бог с вами. Но о постое ещё поговорим.

Коммерсант бросил на стол ручку, записав телефонные номера, и чуть съехал со стула. Хмуро оглядывавший округлость своего живота, он походил на пацана-задиру, получившего сдачи.

На улице, несмотря на зной, было свежей.

- Спасибо, - сказали мы тренеру, полагая итог окончательным и удачным.

- Не обольщайтесь, - был ответ.

7

Лёша уехал, вернее, улетел. На сей раз недалеко, в соседнюю область. В нашу с ним сотовую болтовню нежданно, уже через день вклинился Семён.

- Не успели обговорить постой вашей лошади.

- Она ещё ваша. Через две недели, – утяжеляя слово «ваша», напомнила я.

Холёный хват думал иначе. Витийствовал, правда, недолго, без желания терять покупателя. А чего хотел?..

Внедолге явился в эфире вновь. Теперь из-за коваля, вызванного для перековки коней, заявив, что распорядился не осматривать Мильку и не перековывать. Разве что на мои деньги.

Вот так номер!

- Послушайте, вы сейчас на ней зарабатываете, а не мы.

В трубке отвечали толкованьями, коих понять не дано.

Так и повелось. Каждый раз выходило, будто я хозяйина уговариваю, а тот, поломавшись, уступает. Ещё загадочней было то, что он моего лётчика тоже звонками донимал. Чего ждал? Побольше денег? Отказа от затеи? Развлекался, теребя нервы?

И у мужа они сдали.

- Держать лошадь, значит, жить её жизнью, - однажды заявил он мне издали. - Ариша - не помощница, ещё лет семь ты одна будешь ходить за Милькой, но ничего, - слышишь? - ничего не сможешь написать. Потом возьмёшься, и не пойдёт. Так нужно ли было становиться писателем?

Я не ответила. Ни Лёшке, ни Семёну. Никто из них не желал понять моё положение. Хотя, какое оно? Можно отказаться от покупки, увезти ребёнка к тётке, а животное пусть сдают куда хотят. Дочке потом солгу.

Такие думки не прежде сумерек трусливо просверкивали среди замыслов и решений. Но на следующий день к Арине из денника тянула узкую морду наша проказница. Стоило видеть обоих, чтоб послать к известной бабушке ночные сомнения.

8

Очередным звонком Семён вызвал меня в контору.

Подле него каменела фигура Приходько. На сей раз владелец пива и коней выразился предельно, не блуждая в словесных норах.

- Забирайте сегодня или завтра же отдам колбасу. И с постоем решайте. У меня мест нет.

«Ишь ты, - подумалось. - Как в советских гостиницах».

- Если хотите, советуйтесь.

Он вышел, притворив дверь, и показался уже за окном снаружи. Щёлкнул зажигалкой, которую не поднёс к сигарете, а едва не всем телом наклонился к руке.

- Чего он торопится? – вполголоса спросила я.

- Кто знает. Может, налоговая гроза движется, откуп срочно надобен. Теперь не уступит.

- Всей суммы-то нет. Лёша ещё...

Мне хотелось сказать «не привёз», но привезёт ли.

Помощь негаданно явилась от инструктора:

- У меня есть семь.

Я воскресла. Мы с Приходько ударили по рукам и заверили Семёна, что вернёмся через час.

Пересчитав деньги при нас, с удовольствием откинувшись на стуле, делец великодушно объявил:

- Забрать не позднее четверга. Приходько, ваше заявление я подписал.

В ответ тренерские ладони в самопожати тряхнулись над извечной круглой шапочкой.

На улице я набрала Лёшин номер, рассказала о покупке.

- Похоже, в нашей однокомнатной моё место заняла лошадь, - съязвил он и умолк. Пусть. После. Сейчас надо решать с Милькиным обиталищем.

Теперь Арина каталась, сколько хотела, понимая одно: родители купили для неё лошадку. Девчушка радовалась, мечтала, напрочь забыв, что скоро идёт в первый класс.

У Приходько телефон крепко повис на ухе, послушно, но безнадежно откликаясь на поиски коняшкиного крова. Я-то могла просить лишь одного человека: Валерию.

9

Тётка-тётушка, не седьмая вода на киселе, худая длиннотелая старушка с робко-плаксивым, а точнее, очень разумным нравом.

Живёт в пригороде, растерявшем сельскость. В прошлом деревня, сейчас хвост города-техночудища носит имя со старорусским привкусом: Повой. У Валерии там домишко с садиком в три яблони и игрушечным сарайкой-курятником, где о птицах нет и воспоминаний.

Каждое лето она звала Арину гостить, отлично зная, что та три месяца не выдержит. Всё в Повое хорошо: парк, пруд в нём, лесок даже. Но Валерия девочку никуда одну не пускала – боялась и с ней не гуляла. Слушая бесконечный, как песня камчадала, причёт тётки-бабушки, малышка слонялась по выскобленному, как дощаной стол, и прилизанному, как причёска очкарика, поместыцу. Соскучившуюся девочку приходилось забирать спустя пару выходных. Старушка оплакивала одиночество, но суетливо отказывалась от любых идей на этот счёт, застенчиво улыбаясь, по-детски вытирая щёки кулачками.

Наперёд зная итог, я, однако, позвонила с чаянием пристроить лошадь хоть на недельку, а там... Не знаю.

- Ленушка, што? – спросила Валерия заранее нараспев, чтоб удобней отжаловаться.

Я вкратце обрассказала, слыша в трубке нарастающий стон.

- Миленька моя-а, на что ж вы, безумные, денежки-то потратили? А я её куда-а? В курятник ли?

- В сад, тёть Лер, только на неделю, пока сухо. Ничего делать с ней не надо, разве поить.

- Ноженьки мои не ходюють, руки так крутить, так крутить – сна нет.

- Так может, нам пожить у вас? – предложила я, признаться, с большей охотой, чем прежде.

- Ой, девоньки, милые, зачем вам старуха. С кобылой возись, со мной вози-ись...

В трубке зафыркало, затрещало. Бог с ним, говорить уж не о чем.

Я поспрашивала соседней, нет ли у кого родственников в деревнях. Такие нашлись, но коневодческого интереса не выказали.

Оставалась надежда на завтрашнюю встречу Приходько с ипподромной властелиншей. Если та запросит недорого, то лошадку можно б устроить.

С утра по сотовым каналам прилетели сразу две вести: ипподром не берёт, Семён выгоняет сегодня. Прямо сейчас.

Мы с Ариной понеслись в конюшню. Инструкторы наряжали Мильку в недоуздок, крючковали копыта.

- Куда теперь? – спросила Наталья, прощаясь.

- К тётке сведём. Без позволения. Упросим, умолим на месте – что ей останется делать? – ответила я.

- С богом.

В окне конторы, как в аквариуме, покачивался, закарманив руки, Семён.

10

Двинулись в путь. Приходько с Милькой впереди, я и дочка следом. Асфальт отзывчиво цокал чуток после подков. Прохожие растерянно озирали странную компанию. Проезжие, выставив локти на дверцы, сигналяли нам и что-то улыбочиво выкликали, будто чайки, может, шутили.

Девочка уставала. Мы то ненадолго сажали её верхом (без седла несподручно), то вели за руку. Миновали город. Стало легче: машин меньше, обочья шире, есть где сойти на отдых. До Повоя километра четыре.

Потряхивая надставленными бортами, перед нами заехал грузовик и остановился. Из кабины выпрыгнул... Лёша, Лёшенька, друг мой вечный. Вот кого не хватало!

Дочь повисла на нём. Тот обнял, крепко прижал и несколько раз сунул губами ей в макушку. Потом принялся открывать кузов.

- Давайте грузить вашу скотинку, - сказал, вытаскивая сбитые поперечинами доски, устраивая наклонный помост.

Коняшка забеспокоилась, напрягла шейные жилы, дёрнулась, натянув недоуздок.

- Ш-ш-ш. Тише, голубка.

Тренерово ободрение, кажется, слегка успокоило животное. Взойдя на доски вровень с головой Мильки, бормоча ей в ухо, поглаживая, Приходько и сама лошадка, заминаясь, малыми шажками довольно долго шли вверх. По кузову животинка затопала бодрей, дала себя привязать.

Лёша вдвинул за ней мостки. Пока длилась погрузка, он поведал:

- Дмитрий, фермер, у которого пылю, как раз жеребца продал, денник пустует. Когда я про наше сокровище рассказал, Дима машину дал. Что, Арина, поедешь посмотреть Милькино жильё?

- Да, папочка, да! – обрадовалась та и меленько запрыгала.

- Пусть погостит. У тебя будет время школьное приданое закупить, а я Аришку через день привезу, – сказал мне напоследок.

Они нырнули в грузовик, юрко развернулись и укатили.

Мы с наставником переглянулись. Внутри будто пружина распрямилась, дала вздохнуть. С Приходько спала то ль маска, то ль стальные латы. Мы обнялись за плечи и поплелись в сторону города.

- Надь, что ты нашей брыкушке на ухо-то шептала? – спросила я, щурясь на ярко-белые облака.

- Ласковое слово и скотина понимает, – лукаво ответила Приходько, сняла и подбросила шапку, растряхнув короткое белобрысое каре.

Глядя вдаль, она вдруг затянула низким сипловатым сопрано:

- Ой, при лужку, при-и лу-ужку,

При широком по-о-оле.

Я подхватила:

- При знако-о-омом табуне-е

Конь гулял на во-оле.

Снова что-то весело кричали и сигналили водители, да нам нужды не было. Август на исходе, небо благостно сияет, живая душа спасена, потому сейчас, здесь важнее всего одно: чтоб «конь гулял на во-оле».

Надя рассказала мне, как сложилось имя нашей спасеницы.

11

Прошло одиннадцать лет. Быстро? Медленно?

Говорят, худое тянется медленно, хорошее – влёт. Неправы люди. Всё шло своим чередом. Ни скоро, ни долго. Не знаю, назвать ли плохое плохим, ведь наши удачи выросли из бед.

Валерия померла год назад, завещав клочок Повоя моей дочке.

У Надежды Приходько образовался свой маленький конный двор. Она как прежде учит ребятню началам верховой езды. С ней работает Наталья Павловна, помогает Арина, но только в свободное время – учится в академии, пытается стать ветеринаром. И всё бы как в сказке, когда под конец нечего желать, только частенько вижу дочь грустной.

- Не могу лягушек препарировать. Мне их жаль, – однажды призналась она, вернувшись с занятий.

Понимаю, если не переборет боль сердца, не причерствеет к страданиям братьев наших неразумных, то и спасительницей не станет. Придётся бросать врачеванье иль переходить на полеводство.

Муж по-прежнему в полях. Конюшню он построил вместе с домом для нас.

А я? Давно ничего не пишу. С тех пор, как появилась Милька, осваивать пришлось многое. Я была трудной ученицей, досель неведомое постигала тяжко. Дочь вникала в тонкости коневодства легче и мне на первых порах растолковывала.

Прав Лёша: держать лошадь, значит, жить её жизнью. Ковать, прививать, кормить, следить за ногами, мышцами, подгонять, чинить снаряжение. Так изо дня в день много лет, всегда. Первые трудности не сделали меня сильнее. Наоборот, по мере того, как я узнавала, чего бояться, малейшие предвестья бед приводили в отчаяние. Постепенно, понемногу, потом, когда опыт защитной корой покрыл сосуды впечатлительной души, научилась одолевать несчастья без суеты и дрожи.

Слушаю кобылье сопенье и подумываю написать повесть, что-то в унисон с Сетоном-Томпсоном, над чьими рассказами мы с Ариной когда-то рыдали. Думаю так и усмехаюсь, чувствуя мягкий толчок в спину. Пора.

Что ж, Милька, пойдём домой.

В 2012 году Светлана Голубева была удостоена Диплома IV международного конкурса детской и юношеской литературы имени А.Н. Толстого. Редакционный совет альманаха поздравляет Светлану Сергеевну с высокой оценкой её творчества и желает дальнейших успехов и всего самого доброго!